

Церковная архитектура Калужской губернии первой трети XIX века и война 1812 года

Екатерина Шорбан

В церковном зодчестве Калужской губернии первой трети XIX века доминировала стилистика классицизма в разных его вариациях: от яркой местной романтической линии, ставшей продолжением московской архитектурной школы конца XVIII века, до примеров официальной трактовки позднего классицизма 1820-х годов. События войны 1812 года вдохновили архитекторов на создание ряда выразительных, стройных и монументальных, композиций. Статья основана на обширном статистическом материале и результатах натурального изучения сооружений в ходе полевых экспедиций «Свода памятников архитектуры России» в 2000-е годы («General Inventory of Architectural Heritage of Russia»).

Ключевые слова: церковная архитектура, русская провинция, Калужская губерния, первая треть XIX века, региональные особенности, влияние войны 1812 года, губернский архитектор И.Д. Ясныгин и мастера его круга.

Так утверждается, во храме то внутреннее соборное объединение, которое должно победить хаотическое разделение и вражду мира и человечества.

Евгений Трубецкой. 1915 г.

Калужские земли на протяжении столетий неоднократно оказывались в эпицентре военных действий. Многие средневековые крепости, основанные здесь в XI–XII веках и некогда игравшие важную стратегическую роль, сегодня совершенно исчезли: о них напоминают лишь частично сохранившиеся городища и удивительные по звучанию «былинные» названия: Вороты́нск, Кременск, Ленск, Любутск, Людимеск, Опаков... Центры некоторых княжеств сохранились и являются сегодня небольшими районными городками или селами – это города Козельск, Мещовск, Мосальск, села Перемышль, Серпейск, Кременское и другие. В XIII веке, когда здесь существовали многочисленные небольшие удельные княжества, земли были опустошены нашествием

Батья в 1238 году. В XIV–XV столетиях эти порубежные территории, около полутора веков принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, постоянно становились предметом распрей. Окончательный переход большинства удельных калужских княжеств к Московскому государству произошел при Иване III по мирному договору 1494 года, а также по договору 1503 года. В Смутное время, в начале XVII века, калужские земли многократно подвергались набегам разных военных сил, полностью уничтоживших население ряда сел и городов.

Заметный след в Калужской губернии оставила война 1812 года, о чем речь пойдет ниже. Но непосредственное отношение к теме этой статьи, как ни странно, имеют и события, случившиеся намного позже, уже в XX веке: дело в том, что представить сегодня целостную картину развития дореволюционной церковной архитектуры в российской провинции, особенно сельской, очень трудно из-за больших утрат этих сооружений, произошедших в результате сносов, осуществленных большевиками в 1920-е и особенно в 1930-е годы и затем дополненных разрушениями, вызванными военными действиями в ходе Великой Отечественной войны и кампанией закрытия и сноса храмов, проведенной в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Из церковных зданий, выстроенных в Калужской губернии в 1800–1830-е годы, к началу XXI века в разных районах уцелело от 50 до 1%. В большинстве западных и юго-западных районов сохранность дореволюционных церковных зданий всех периодов приближается к нулю¹. Все же в ряде городов и районов современной Калужской области – в Бабынинском, Боровском, Малоярославцеком, Медынском, Мосальском, Мещовском, Спас-Деменском, Юхновском (большая его часть в XIX веке входила в состав Смоленской губернии) – пусть и в заброшенном состоянии, но сохранились церкви, история которых так или иначе связана с событиями 1812 года. И хотя на основании их архитектуры мы не можем составить исчерпывающей картины развития церковного зодчества того времени, попробуем рассмотреть и обобщить то, что еще сохранилось. На фоне катастрофических утрат церковного архитектурного наследия еще ценнее оказываются уцелевшие памятники².

Время войны 1812 года падает почти на середину стилистически цельного периода развития церковной архитектуры Калужской губернии – первой трети XIX века. Это время на Калужской земле, по сравнению со многими другими, прежде всего северными регионами России (где существовало сильное запаздывание в смене архитектурных стилей), характеризуется окончательным утверждением классицизма, причем в его особом варианте, связанном с художественными предпочтениями губернского архитектора И.Д. Ясныгина и достаточно сильно разнившимся со столичной линией позднего классицизма. В статье представляется целесообразным рассмотреть весь этот период в хронологическом порядке начиная с рубежа XVIII–XIX столетий

и до начала 1830-х годов. Мы попытаемся выделить несколько типологически разных линий, связанных со строительством городских храмов (особенно городских соборов), сельских храмов и монастырских комплексов. При этом важно проследить взаимовлияние этих линий, а также изменения языка архитектуры, вызванные событиями 1812 года.

Но сначала сделаем отступление и вспомним атмосферу исторической кульминации периода – времени военных действий.

В ходе войны 1812 года Калужской губернии выпала, в силу ее географического положения, особая роль. Обратимся к краткой хронике тех дней, составленной калужским историком Д.И. Малининым спустя сто лет: *«В достопамятную годину 1812 г. Калуга играла важную роль, и имя ее тесно связано с историей этой войны. Критическая часть кампании, ее перелом совершились именно в Калужской губернии, которая сделалась “пределом нашествия врагов”. Сама же Калуга в течение нескольких недель является главной артерией, от которой шло питание и снабжение нашей армии всем необходимым. Это был главный магазин, куда свозился со всех концов России провиант для дальнейшего направления в армию. Калуга значительно после этого обеднела, но с честью выполнила выпавшее на ее долю патриотическое назначение.*

Тревожная, повышенная жизнь в Калуге началась с июля. 6 числа этого месяца 1812 г., среди начавшегося уже беспокойства, получен был манифест, призывавший к оружию и пожертвованиям на защиту отечества все сословия империи. Губернатор П.Н. Каверин пригласил на совещание дворян, которые и постановили “не щадить в сем случае не только своего состояния, но даже жизни до последней капли крови”. С Калужской губернии собрали 15 тыс. ратников... Сбор ополчения окончили в 3 недели. Сделаны были... и все нужные распоряжения о заготовлении... провианта. В окрестностях Калуги появились огромные мазаины и склады сухарей, зернового хлеба, овса, сена, съестных припасов. Калужское купечество в двое суток пожертвовало свыше 100 тыс. руб.

В начале же июля прибыл в Калугу киевский военный губернатор Милорадович и, несмотря на болезнь, занялся формировкой из рекрутских депо корпуса в 55 батальонов, 34 эскадрона и 18 рот артиллерии. В 5 верстах от Калуги был устроен артиллерийский парк. Таким образом, уже в конце июля Калуга с губернией по сбору войск и военным приготовлениям походила на большой военный стан...

Когда Калужское ополчение было готово к выступлению, еп. Евлампий привел ополченцев к присяге, произнес напутственную речь и вручил начальнику ополчения г.-л. Шепелеву хоругвь с изображением Калужской Божией Матери и прав. Лаврентия.

Как известно, после Бородинского сражения у некоторых русских генералов была мысль идти в Калугу, не заходя в Москву; когда же

было принято направление к Москве, то они думали, что неприятель все же отрядит корпус на Калугу. Поэтому... через два дня после Бородинского боя главнокомандующий прислал предписание объявить Калужскую губернию на военном положении... По получении такого распоряжения драгоценную церковную утварь и дела присутственных мест немедленно же собрали и отправили в Орел, а гимназию и пансион в Рязань... Вместо... присутственных мест был учрежден временный военный комитет, зависевший непосредственно от Кутузова. На границах Жиздринского, Мещовского, Мосальского, Медынского и Боровского уездов были учреждены кордоны из ополченцев.

Вывоз казенных вещей привел в большое беспокойство калужан; они также стали укладываться и выезжать, и улицы и дворы опустели... оставленный скот ревел на улицах...

Калуга “лежала на пороге отчаяния” 40 дней, со 2 сентября по 12 октября.

Когда наша армия сосредоточилась под Тарутиным, закрывши собою Калугу, калужане все же думали, что Наполеон может дойти до Калуги. Они отправили к Кутузову Муромцева просить у фельдмаршала наставления... Кутузов... 22 сентября отправил его с письмом к Калужскому Городскому Голове И.В. Торубаеву, в котором пишет, что “надежда на верное поражение врага нашего нас не оставляла. Недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят врагу неизбежно... Город Калуга есть и будет в совершенной безопасности”...

Тревожные предчувствия и беспокойство калужан за судьбу города были небезосновательны. Известно, что Наполеон 7 октября начал выступление из Москвы на Калугу. В день Малоярославецкого сражения 12 октября и следующие два дня 13 и 14 числа калужане... провели на правом берегу Оки, куда они переправлялись по двум мостам... Тревога возросла, когда сделалось известным об отступлении Кутузова до Детчина. 15 и 16 октября Кутузов с главной квартирой ночевал в Полотняном Заводе, совсем недалеко от Калуги. В это время Наполеон уже отступил на Смоленскую дорогу, и опасность для Калуги уже миновала, но калужане об этом еще не знали и снова отправили к князю нарочных... Кутузов дал такой ответ: “именем моим поручаю вам успокоить купеческое и мещанское сословия... Исполняйте ваши обязанности и будьте покойны, вы есте и будете защищены”... 30 октября он написал еще одно письмо калужанам, в котором “вменяет себе приятным долгом уведомить, что враг обратился в бегство” и “достойно платит за слезы поселян и обругание храмов Божиих”... Благодарные калужане хотели просить государя о дозволении поминать имя Кутузова на эктениях после Императорской фамилии, но князь отклонил это намерение...»³.

В начале XX века по инициативе Ученой Архивной Комиссии городская дума открыла подписку на сооружение памятника Кутузову и переименовала Облупскую улицу в Кутузовскую⁴.

Большой вклад в истребление врага внесли отряды калужских партизан – по данным Д.И. Малинина, поселянами «... в Боровском уезде убито 2 193 и взято в плен 1 300 человек; в Медыньском уезде убито 894 и взято в плен 593, в Мосальском уезде убито... 987 и взято в плен 450 человек; в Малоярославецком – точно неизвестно...»⁵; на территории нынешней Калужской области в окрестностях города Юхнова (бывшей Смоленской губернии) были сосредоточены партизанские отряды под руководством легендарного Дениса Давыдова.

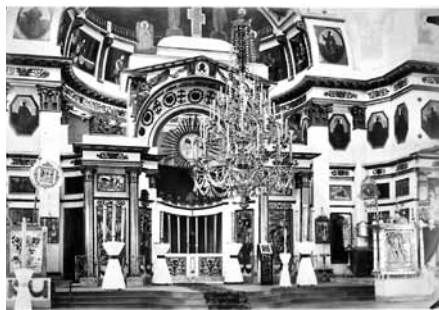
Безусловно, самым знаменитым и ярким памятником послевоенного церковного строительства на калужской земле является Никольский Черноостровский монастырь под Малоярославцем, возведенный в 1820–40-е годы на месте разрушенной обители. О нем много написано. Мы обратимся к этому комплексу при рассмотрении зодчества послевоенного времени. Но не менее интересно и широкое влияние войны 1812 года на развитие архитектуры и судьбу строительства ряда городских соборов и многих приходских сельских храмов Калужской губернии.

Война с Наполеоном повлияла в целом на развитие калужской церковной архитектуры, с одной стороны, замедлив или остановив строительство некоторых храмов, и, с другой – вызвав относительный подъем храмостроительства в 1810-е, 1820-е и 1830-е годы в ряде уездов⁶. В зоне прохождения неприятельских войск в Боровском, Малоярославецком, Медыньском уездах значительный урон был нанесен неприятелем храмовой архитектуре и особенно интерьерам церквей, которые в большинстве были разграблены и сожжены. Многочисленные существовавшие тогда деревянные храмы в основном сгорели. Видимо, эти обстоятельства и вызвали необходимость в послевоенные годы строительства новых каменных церквей именно в уездах, наиболее пострадавших в ходе войны. Хотя, как мы отмечали выше, далеко не все здания сохранились до наших дней, о многом говорит уже сама статистика: в одних уездах губернии в 1810–20-е годы церковное строительство было невелико – особенно в Калужском, Перемышльском и Козельском⁷; в наиболее сильно пострадавших от нашествия французов Боровском и Малоярославецком уездах церковное строительство хотя и не было широким, но все же проводилось⁸; там, кроме того, почти повсеместно требовались ремонтные и восстановительные работы старых храмов. В других уездах – Медыньском, Жиздринском, Мосальском, не отличавшихся экономической развитостью и также частично разоренных в ходе войны, тем не менее, в эти же годы масштабы возве-

дения храмов были более значительными⁹. Сравнительно крупное храмовое строительство проходило и в незатронутых напрямую военными действиями Мещовском, Тарусском и Лихвинском уездах¹⁰.

Представив обобщенно масштабы церковного строительства до и после войны 1812 года, обратимся к рассмотрению стилистики и типологии этой архитектуры. Отметим, что, как и в любом другом регионе русской провинции, в Калужской губернии церковное зодчество этого времени отличалось особыми региональными чертами, сочетанием нескольких стилистических тенденций в рамках полностью утвердившегося на этой территории классицизма. Большинство новых сельских храмов возводилось по заказу помещиков – местного дворянства, из которого представители почти каждой семьи служили в это время в действующей армии.

В начале XIX века и вплоть до 1812 года «архитектурную реальность» в Калужской губернии и Калужской епархии, незадолго до того созданной¹¹, определяло, в первую очередь, продолжение строительства калужского собора. К 1812 году все еще не был завершен главный храм Калуги – кафедральный Троицкий собор, создание которого растянулось на несколько десятилетий. Собор был заложен в 1786 году по проекту губернского архитектора Ивана Денисовича Ясныгина (1745–1824), выпускника Императорской Академии художеств¹² и в дальнейшем младшего коллеги и, как принято считать, ученика В.И. Баженова и М.Ф. Казакова, до назначения в Калугу долго работавшего под их руководством в Москве¹³. И.Д. Ясныгин был направлен в Калугу в 1785 году после неожиданной смерти (1784 г.) трудившегося там со второй половины 1770-х годов Петра Романовича Никитина¹⁴, выдающегося русского зодчего и градостроителя, автора регулярных планов и застройки Кавказа, Калуги и многих других губернских и уездных городов эпохи Екатерины II. Продолжив масштабную деятельность П.Р. Никитина, И.Д. Ясныгин спроектировал для Калуги новое здание городского собора, который должен был встать в середине великолепной административной площади, с трех сторон окруженной корпусами Присутственных мест, созданных Никитиным. Через два года после заложения собора его строительство остановилось на много лет из-за сомнений в правильности конструкции задуманного Ясныгиным гигантского купола пролетом 17 м (что превышало размеры купола строившегося в это время Казанского собора в Петербурге диаметром 14,5 м)¹⁵. Сооружение Троицкого собора возобновилось только в 1804 году и было закончено через семь лет, накануне 1812 года. (Ил. 1.) Собор имел близкий к крестообразному (с короткими рукавами креста) основной объем, несущий купольную ротонду, и высокую, отдельно поставленную к западу четырехъярусную колокольню, увенчанную мощным шпилем¹⁶. Фасады были украшены ордерным декором. Волею судьбы завершение здания совпало с наступлением войны с Наполеоном. В это время начи-

Ил. 1. Собор Троицы в Калуге. 1786–1818. Архитектор И.Д. Ясныгин. Вид с северо-востока. Фото конца XIX – начала XX в.

Ил. 2. Иконостас калужского Троицкого собора. 1800-е–1810-е гг. Фото конца XIX – начала XX в.

нались работы по внутренней отделке: по заказу губернатора А.Л. Львова в Москве был создан проект великолепного иконостаса в формах классицизма, который изготавливался там же под наблюдением известного столичного мастера Дмитриева¹⁷. К осени 1812 года иконостас был готов, но погиб во время пожара Москвы. Это снова отодвинуло окончание Калужского собора, но через год Дмитриев вызвался повторить иконостас по прежнему образцу и проводил работы уже в Калуге¹⁸. (Ил. 2.) Осветили собор только весной 1819 года. О композиции иконостаса, который, без сомнения, был одним из ярких произведений русского классицизма, нам известно по немногим старинным фотографиям. Он относился к типу распространенных в ту эпоху архитектурных «низких» иконостасов со сложным многоплановым пространственным построением. Величественное сооружение было украшено торжественным большим коринфским орденом, пилястры которого объединяли трехъярусные фланги, а в середине образовывали купольную полуротонду с дугообразной в плане колоннадой, вторившей изгибу внешней стены апсиды собора. Среднюю часть иконостаса занимала выдвинутая вперед перед полуротондой триумфальная арка с царскими вратами, завершенная ступенчатым аттиком, прорезанная перспективной аркой. В этой части был применен второй ионический ордер меньшего масштаба с изящными тонкими колоннами. Мотив малого ордера был продолжен в боковых придельных иконостасах. Нам точно не известно колористическое решение, примененное в иконостасе собора, но, судя по фотографиям и некоторым аналогам, можно предположить, что в его окраске преобладал белый цвет с позолоченными деталями. Сам интерьер собора, выдержанный в стилистике зрелого классицизма, был необычайно светлым¹⁹.

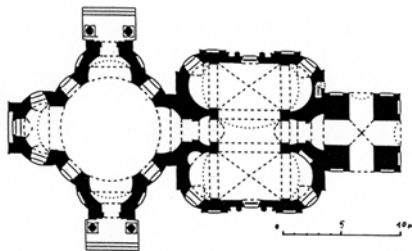
Похожая строительная судьба, прямо или косвенно связанная с творчеством И.Д. Ясныгина (наиболее значительного архитектора, работавшего в Калужской губернии до 1822 года), сложилась еще у нескольких крупных сооружений, в частности, Казанской церкви в селе Людинове и собора Николая Чудотворца в городе Мосальске. Храм в промышленном селе Людинове при железодельном заводе Петра Евдокимовича Демидова был заложен в 1802 году, а освящен только в 1820-м²⁰. Один из неосуществленных вариантов проекта храма, составленный Ясныгиным в начале XIX века, был отчасти навеян стилистикой позднего барокко²¹, но реализованный вариант, гораздо более строгий и монументальный, близок классицизму Троицкого собора и других работ архитектора XIX столетия. Крупное сооружение, сопоставимое, если не превышавшее по своим размерам²², калужский Троицкий собор, было близко ему по архитектуре. Основной крестообразный объем (с длинными боковыми рукавами креста) завершался крупной купольной ротондой. В отличие от почти центричного в плане основного объема калужского собора, храм в Людинове на запад развивался обширной трапезной (с необычной периметральной галереей второго яруса в интерьере) и завершался высокой монументальной колокольней со шпилем – излюбленным элементом И.Д. Ясныгина. На фасадах – те же трехчетвертные колонны большого ордера, объединяющего нижние части здания. Об этом памятнике мы можем судить по фотографиям; он дошел до наших дней не полностью – утрачены ротонда и апсида основного объема, верхние ярусы колокольни. Однако даже на старых снимках хорошо ощущается выразительная, пропорционально выверенная объемная композиция и особое сочетание монументальности и изящества – то, что выделяло и другие работы И.Д. Ясныгина.

Переходя к рассмотрению отличной от соборных храмов линии – линии преимущественно сельских церквей Калужской губернии первой трети XIX века, снова обратимся к началу этого периода, рубежу XVIII–XIX веков. В это время возникла яркая группа сравнительно небольших по размерам приходских храмов (с основным вертикальным ротондальным купольным объемом и трапезной со скругленными углами), близкая московской архитектурной школе последней четверти XIX века и особенно проектам, включенным в знаменитый «Смешанный альбом» М.Ф. Казакова. Первой в этом ряду была начатая в Калуге в конце 1790-х годов²³ по проекту И.Д. Ясныгина церковь Жеммироносиц²⁴. В ее композиции доминирует крупный и высокий объем ротонды, к которой примыкают сильно пониженные апсида и широкая трапезная. С севера и юга фасады ротонды отмечены равновысокими алтарю двухколонными портиками, оформляющими боковые входы. Особенностью фасадной композиции ротонды является необычное расположение трех ярусов окон: проемы двух нижних рядов (первые, прямоугольные, и круглые, в квадратных нишах, окна второго света)

отделены от высоко поднятых прямоугольных окон третьего света глухим полем стены высотой в треть всей ротонды. Памятник выразителен (особенно он важен по своей градостроительной роли), но отличается некоторой суховатостью форм (возможно, они были огрублены при позднейших ремонтах).

Ротондальные храмы, подобные церкви Жен-мироносиц, в последующие годы не получили распространения, по нашим данным, в Калуге и уездных городах. Однако в городской церковной архитектуре рубежа XVIII–XIX веков и первых двух десятилетий XIX века влияние классицистической московской архитектурной школы проявилось в широком использовании композиции «трехнефной» двухсветной трапезной со скругленными концами крайних нефов. Такие трапезные, как правило, пристраивали к старинным основным объемам храмов XVII–XVIII веков²⁵. Наряду с возведением подобных, больших по размерам, чем прежние, трапезных, многие храмы Калуги получили и новые высокие колокольни, которые должны были соответствовать более крупному масштабу городской застройки, сформировавшейся в конце XVIII – начале XIX века. Одну из наиболее выразительных первых трапезных этого типа и необычайно высокую стройную колокольню получила в 1802 году церковь Преображения (Казанская «под горой»²⁶), стоящая вблизи переправы через Оку под площадью Старого торгового в Калуге. Двухсветная трапезная была украшена на боковых фасадах великолепными четырехколонными портиками коринфского ордера, установленными на монументальную цокольную часть, трактованную как массивное рустованное основание, прорезанное глубокими арками проходов в подклет. На стенах основного этажа трапезной прямоугольные нижним окнам отвечают круглые проемы второго света; по сторонам портиков скругленные углы выделены высокими арочными окнами, в проемы которых вписаны двухколонные портики. Развитые, хорошо прорисованные формы трапезной, скорее всего созданной по проекту И.Д. Ясныгина, по мощи архитектуры соответствуют духу московской архитектурной школы, представителем которой он являлся. Не менее выразительна и трехъярусная колокольня церкви Преображения «под горой», которая стала своеобразным прототипом при возведении колоколен многих других храмов и монастырей²⁷. В основании колокольни высокий квадратный в плане ярус, фасады которого завершены треугольными фронтонами. Два верхних яруса – круглые в плане. Они прорезаны по сторонам света арочными проемами, в простенках которых помещены пары коринфских колонн с крупными креповками постаментов и антаблементов. В основании каждого цилиндрического яруса – высокие глухие постаменты, подчеркивающие стройность силуэта. Верхний, четвертый, невысокий ярус-резонатор с круглыми проемами завершен куполом, ныне увенчанным главкой²⁸.

Следующие ротондальные храмы, непосредственно продолжившие линию калужского храма Жен-мироносиц, уже были выстроены в сельской местности по заказу помещиков. Среди наиболее ранних – церковь Николая Чудотворца 1800 года в селе Растворове под городом Мещовском²⁹, построенная крупным меценатом и храмоздателем А.С. Хлюстиным, и церковь Рождества Богородицы 1801 года села Богдановское³⁰, возведенная Александром Григорьевичем Соловаго³¹. Церковь села Растворово, пожалуй, один из наиболее рафинированных по формам памятников этой группы, несмотря на то, что отличается небольшими размерами и ограниченным набором изобразительных средств, поскольку все здание выполнено из кирпича без применения белокаменных деталей. (Ил. 3, 4.) Главный стройный трехсветный ротондальный объем с высоким куполом окружен с четырех сторон пониженными полукруглыми двусветными апсидальными выступами, придающими плану четырехлепестковую форму. На боковых фасадах основного объема северный и южный входы выделены изящными двухколонными тосканскими портиками, которым вторят полуколонны в композициях «серлиана»³² в верхней части цилиндрического корпуса. К ротонде примыкает пониженная трехнефная трапезная со скругленными углами, а к ней – массивный нижний ярус колокольни (ее верхние части утрачены). На фасадах храма – окна с характерной и для других построек этой линии формой: прямоугольной внизу и круглой – второго света. Боковые фасады трапезной в середине выделены крупным трехчастным окном, над которым расположено термальное окно второго света. В интерьере основного объема эффектно варьируется тема двусветных арочных «экседр», над которыми вздымается пространство ротонды. Храм в Богдановском не менее изыскан по композиции, но еще миниатюрней, лаконичней и проще по формам. Здесь доминирует не крупный ротондальный объем, завершенный высоким аттиковым поясом, над которым помещен конического силуэта купол с четырьмя ребрами; с востока и запада к главному корпусу примыкают небольшие пониженные прямоугольные объемы алтаря и притвора. С запада композиция завершена примыкающей к притвору двухъярусной колокольней. Ее нижний, квадратный в плане рустованный объем, с крупными входными арками, завершен высоким гладким аттиком, соответствующим аттику храма; верхний ярус – цилиндрический (вместе со своим купольным завершением он достигал высоты храма). Композиция церкви отличается цельностью и тонкой прорисовкой деталей. Северный и южный дугообразные фасады ротонды отмечены четырехпилястровыми портиками; нижним прямоугольным проемамверху стены отвечают круглые ниши, имитирующие окна второго света. В профилях карнизов в наиболее ответственных местах применены белокаменные детали. В архитектуре храма села Богдановское, более чем в церкви села Растворово, ощущается обобщенность форм, пред-

Ил. 3. Церковь Николая Чудотворца села Растворова. 1800. План (по обмеру 2004 г.)

Ил. 4. Церковь Николая Чудотворца села Растворова. 1800. Южный фасад. Фото Е. А. Шорбан. 2009

вещающая стилистику ампира. Два следующих по времени храма можно отнести к упрощенным вариациям типа, близкого по композиции церкви Жен-мироносиц. Церковь Николая Чудотворца в селе Медведка под Мещовском была заложена по заказу князей Козловских в 1800-м, а завершена в 1813 году³³. Полная двусветная ротонда имеет пониженную, примыкающую с востока апсиду и двухколонные портики на северном и южном фасадах. С запада к храму примыкает почти квадратная, со скругленными углами, трапезная. Колокольня состоит из нижнего квадратного рустованного объема, второго аттикового полуяруса с полуциркульными проемами и третьего яруса в форме круглой колонной беседки. Вверху ротонды помещены крупные термальные окна. Храм Покрова 1804 года села Логино (Осоргино)³⁴, выстроенный по заказу помещика Дмитрия Михайловича Рахманова, к настоящему времени сохранил только основной небольшой ротондальный объем (апсида, трапезная и колокольня утрачены). Судя по довольно стертой архивной фотографии, он имел на боковых фасадах двухколонные пониженные портики, близкие храму в Медведке. Для нас этот сильно разрушенный памятник чрезвычайно важен как свидетельство достаточно широкого распространения не крупных ротондальных храмов в Калужской губернии в 1800-е гг.

Особое место в ряду ротондальных храмов 1800-х годов по изысканности архитектуры занимала церковь Покрова, возведенная по заказу Марии Сергеевны Кар (урожденной княжны Хованской) в усадьбе Карово³⁵ в 1806–1810 годы. Автором проекта в литературе называют малоизвестного калужского архитектора Григория Иванова, а непо-

Ил. 5. Церковь Покрова в усадьбе Карово (Сергиевское). 1806–1810. Вид с северо-востока. Фото начала XX в. Частный архив

Ил. 6. Церковь Николая Чудотворца села Башмаковка. 1812. Интерьер. Фото Е. А. Шорбан. 2010

средственным строителем – управляющего имением Ф.И. Турчанинова³⁶. Все же столичный уровень этого сооружения наводит на предположение о причастности к созданию этой великолепной церкви И.Д. Ясныгина или другого выдающегося мастера. Ныне от здания сохранилась только колокольня, но о формах всего храма мы можем судить по архивной фотографии и описанию дореволюционного времени³⁷. (Ил. 5.) Памятник отличался развитыми формами, выверенными пропорциям и тонким рисунком деталей, многие из которых были выполнены из белого камня. В композиции доминировал крупный двусветный ротондальный главный объем, завершенный куполом с восемью люкарнами. На вершине купола помещался широкий барабан, увенчанный шлемовидной главой с крестом. К основному объему примыкали пониженные равновысокие апсиды и широкая трехнефная трапезная со скругленными углами. Боковые фасады ротонды были украшены нарядными четырехколонными ионическими портиками с треугольными фронтонами. Внутри портиков по сторонам северной и южной дверей в арочных нишах помещались скульптуры евангелистов. Нижние высокие арочные окна здания были заключены в стрельчатые ниши. Окна второго света ротонды были невысокими прямоугольными, а пара окон над фронтонами – полукруглыми. Интерьер храма первоначально был расписан масляными красками «под лепную работу». Все три иконостаса (главный и два

придельных в трапезной) были окрашены белой краской с позолоченными деталями. Уцелевшая от храма стройная трехъярусная колокольня, примыкавшая с запада к трапезной, отличается большой высотой, рассчитанной на обзор с противоположного берега Оки. Колокольня обладает изысканностью форм и сочетает монументальность объемной композиции с тонкой прорисовкой декоративных деталей, варьирующихся в каждом ярусе. Трехъярусное сооружение имеет необычно высокие нижний квадратный и верхний круглый в плане объемы, разделенные средним восьмигранным полуярусом с узкими диагональными гранями. Фасады массивного нижнего яруса, равнявшегося по высоте основному ротондальному объему храма, завершены треугольными фронтонами. Их белокаменные карнизы имеют крупные модульоны. Широкий фриз, проходящий под фронтонами, украшен лепными гирляндами. Западная сторона нижнего яруса прорезана гигантской вертикальной аркой; боковые стороны сверху имеют той же ширины крупные полуциркульные окна, внизу – узкие арочные проходы в притворы. По сторонам арок сверху стен помещены пары вертикальных овальных нишек, заполнявшихся лепными розетками. Средний полуярус прорезан четырьмя крупными полуциркульными проемами-резонаторами. На треугольных площадках у основания срезанных углов сохранились белокаменные цилиндрические постаменты (под вазы или обелиски). Стены завершены тонким белокаменным карнизом-полкой. Верхний ярус звона имеет расположенные по сторонам света четыре высоких арочных проема в арочных нишах. По сторонам ниш – белокаменные полуколонны с коринфскими лепными капителями на уровне пят арок. Вверху, в середине простенков между арками – овальные нишки. Стены завершены белокаменными высоким гладким фризом и тонким профилированным карнизом. Ярус перекрыт куполом с четырьмя круглыми люкарнами. Украшением колокольни является ее фрагментарно уцелевшая венчающая часть – помещенная на купол колонная ротонда с кирпичным сердечником и белокаменными тосканскими колоннами, соединявшимися аркатурой. В завершении ротонды – массивный двухчастный профилированный белокаменный карниз. Ротонда служит основанием для белокаменного шпиля – конусообразного, с вогнутой нижней частью; на его вершине – яблоко с крестом (сохранились фрагменты его заполнения начала XX века из зеркального стекла).

Примером варианта переходного типа от полностью ротондального главного объема храма к типу «ротонды на четверике» является церковь Николая Чудотворца села Башмаковка, построенная в 1812 году³⁸. (Ил. 6.) Правда, визуально, благодаря четырехколонным тосканским портикам, украшающим боковые фасады нижнего квадратного двухсветного корпуса, и крупным размерам возвышающейся над ним ротонды, храм незначительно уступает по стройности и изяществу постройкам с полностью цилиндрическими главными объемами. На фасадах

всех частей церкви нижним прямоугольным окнам отвечают круглые проемы второго света (этот мотив знаком по храмам Жен-мироносиц в Калуге, Никольскому в Растворове и другим). К четверику летнего храма примыкает более широкая обширная трапезная со скругленными углами; над ее западной частью возвышается колокольня; западный фасад здания выделен монументальным шестиколонным портиком. Отличительной чертой церкви в Башмаковке является ее большая вместимость, а следовательно, большая практичность, по сравнению с ротондальными церквями. Качество прорисовки белокаменных деталей на фасадах свидетельствует о высоком профессиональном уровне этой архитектуры. Интерьер храма по структуре пространства и основным композиционным приемам продолжает линию храмов в Растворове и Карове; судя по уцелевшим фрагментам внутреннего убранства – в его колористическом решении доминировали белое с золотом, голубые и охристые тона.

Другую самобытную, сравнительно многочисленную группу городских и сельских храмов 1800–1810-х годов центральной и северной частей Калужской губернии составляют постройки, связанные с творчеством талантливых архитекторов Е.Е. Латышева и И.А. Каширина³⁹, крепостных крупного мосальского купца и кавалера, известного благотворителя Антона Семёновича Хлюстина и его потомков⁴⁰. Также как и рассмотренные выше церкви, близкие творческому почерку И.Д. Ясныгина, здания, выполненные по заказу Хлюстиных, далеки от подчас суховатого официального варианта классицизма того времени: они представляют своеобразное, чрезвычайно интересное направление провинциального зодчества, связанного с традициями принесенной в Калугу И.Д. Ясныгиным «казаковской» линии московского классицизма. Эти традиции с запозданием на два-три десятилетия проявились в работах «хлюстинских» архитекторов в значительном числе храмов Мосальского, Медынского, Мещовского уездов. Вполне вероятно, что создание многих церквей осуществлялось при непосредственном участии (а возможно, и руководстве) губернского архитектора, поэтому в их формах наряду с несомненным влиянием произведений Ясныгина, наблюдаются и собственные оригинальные черты. Все храмы, возведенные по заказу Хлюстиных в 1800–1810-е годы имеют общие композиционные особенности. В их построении, как правило, доминирует основной объем летней церкви с нижней крестообразной двусветной частью, увенчанной вертикально вытянутой купольной ротондой. В рассмотренной выше наиболее ранней постройке, самой близкой к «казаковской» традиции, – некрупной по размерам изящной церкви Николая Чудотворца 1800 года села Растворово под Мещовском, «крестообразный» нижний корпус основного объема имеет четырехлепестковый план с полуциркульными выступами⁴¹. В следующих постройках полукруглые части, как правило, превратились в прямоуголь-

Ил. 7. Собор Николая Чудотворца в городе Мосальске. 1806–1818. Архитектор Е.Е. Латышев. Воссоздание начала 2000-х гг. Фото Е.А. Шорбан. 2012

ные рукава креста, а в целом архитектура храмов изменилась в сторону укрупнения форм и большей монументальности. Один из лучших, по стройности пропорций и изяществу деталей, памятников этой линии, завершенных незадолго до войны 1812 года, является храм Покрова (1809) села Покровское Мосальского уезда⁴². Церковь имеет крестообразную в плане, близкую к центрической, нижнюю часть основного объема (с прямоугольными рукавами креста), над которой возвышается мощная ротонда с высоким яйцевидным куполом, увенчанном высоким цилиндрическим барабаном с малым куполом и миниатюрной главкой. К западному рукаву креста примыкает трехъярусная колокольня, которая завершалась высоким шпилем. Судя по немногим уцелевшим фрагментам внутреннего убранства, интерьер был выполнен в светлой бело-голубой с золотом гамме⁴³. Другой памятник, созданный Е.Е. Латышевым⁴⁴ и повторивший судьбу калужского Троицкого собора с его затянувшимся строительством (включая изготовленный в Москве и сгоревший иконостас) – «новый» собор Николая Чудотворца в городе Мосальске (1806–1818)⁴⁵. (Ил. 7.) Он имел близкий церкви Покрова силуэт основного объема, увенчанного стройной ротондой, но был больше по вместимости и отличался более развитыми формами в духе московской архитектурной школы конца XVIII века: апсидой с внешней колоннадой, широкой трехнефной трапезной⁴⁶. Изящной была трехъярусная колокольня с отдельными неоготическими формами. Мосальский собор, сильно разрушенный в советское время, воссоздали в 2000-е годы.

Обратимся к храмовым сооружениям Калужской губернии послевоенного периода 1810-х – начала 1830-х годов. События войны 1812 года не могли не повлиять на ход развития церковного зодчества этих земель. По свидетельствам историков XIX века, несмотря на победу русских войск, экономике губернии был нанесен очень большой урон, и здесь начался экономический спад, продолжавшийся в течение всего столетия. Этому, возможно, способствовало и постепенное затухание деятельности многих промышленных предприятий, в частности, железодельных заводов, возникших в XVIII веке. Все же церковное строительство, инициированное крупными помещиками, продолжалось. Одним из виднейших зодчих в это время оставался губернский архитектор И.Д. Ясныгин. Соединение особенностей творческого почерка этого мастера, ярко проявившегося в довоенный период при создании линии городских соборов и крупных колоколен городских храмов, и эмоционально возвышенная атмосфера победы выразились в появлении среди сельских построек крупных по масштабу сооружений, гораздо более строгих и лаконичных по декоративному убранству, по сравнению с храмами 1800-х годов.

К послевоенной линии монументальных храмовых сооружений с крупными купольными ротондами, венчающими основные квадратные или крестообразные объемы, с равновысокими пониженными апсидами и трапезными, а также с необычно стройными колокольнями, завершенными длинными шпильями, относятся несколько сельских храмов, выстроенных в Калужской губернии сразу после окончания войны 1812 года, в 1810-е и в начале 1820-х годов. Хотя пока мы не располагаем документальными доказательствами авторства И.Д. Ясныгина, связь архитектуры вышеназванных построек с разработывавшимся мастером композициями соборных храмов очевидна. Стиль этих зданий, который можно было бы назвать местной романтической линией классицизма, весьма соответствовал своей торжественной монументальностью духу триумфа победы, который, несомненно, определял настроения российского общества 1810-х годов. Отметим, что эта архитектура заметно отличалась от суховатого столичного классицизма того времени в сторону большей масштабности и «неэкономичности» способов достижения выразительных эффектов. Из сохранившихся памятников к этой группе можно отнести две церкви 1810-х годов Медынского района – Печерскую села Прудки⁴⁷, выстроенную по заказу помещиков Лопатиных (рядом с храмом – надгробие майора Алексея Ивановича Лопатина, 1793(?)–1844), и Казанскую села Дунино⁴⁸, а также храм Рождества Богородицы⁴⁹ 1819 года в усадьбе князей Козловских Барятино под Мещовском. Два первых здания, хотя и были долгие годы заброшены, до недавнего времени сохраняли все основные объемы⁵⁰. Их украшением являются высокие колокольни⁵¹, из которых

колокольня в Прудках выделяется не так часто встречающимися круглыми в плане ярусами, начиная с нижнего⁵². Над колокольней церкви в Дуние возвышается чуть покосившийся высокий шпиль (Ил. 8.) Формы обоих зданий, при отдельных различиях, обладают большим сходством не только в объемных композициях, но и в деталях: в обоих случаях боковые фасады основного нижнего объема имели монументальные колонные портики с фронтонами⁵³; помещенные выше крупные ротонды – тройные итальянские окна со средним повышенным арочным проемом и прямоугольными боковыми⁵⁴. Храм в Бярятине не сохранил колокольню, но облик еще целого памятника запечатлен на архивной фотографии начала XX века⁵⁵. (Ил. 9.) Объемная композиция храма восходит к той же схеме: мощный нижний двусветный⁵⁶ четверик летнего храма с четырехколонными портиками боковых фасадов, над четвериком – массивная купольная ротонда. Стены ротонды обработаны пилястрами, чередующимися с прямоугольными окнами (через одно – ложными), над которыми помещены полуциркульные ниши. К западу от примыкающей к четверику пониженной трапезной возвышалась стройная трехъярусная колокольня со шпилем. В отличие от храмов в Прудках и Дуние, церковь села Бярятино имеет особенности, говорящие о ее более высоком художественном уровне: в ней своеобразными композиционными приемами был создан выразительный, необычно подробно для сельской церкви разработанный интерьер. Восточная стена четверика, граничащая с алтарем, и запад-

Ил. 8. Казанская церковь села Дунино Медынского района. 1810-е – начало 1820-х гг. Фото Е. А. Шорбан. 2005

Ил. 9. Церковь Рождества Богородицы села Бярятино. 1819. Акварель Александры Гладышевой по архивной фотографии начала XX в. (из дипломного проекта А.В. Гладышевой. МАРХИ. 2012).

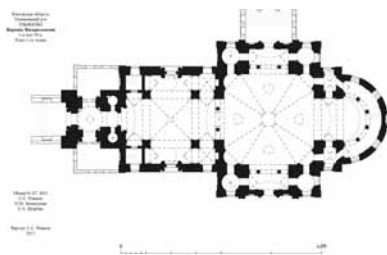
*Ил. 10. Церковь Троицы села Троицкое (ныне Кондрово).
1818–1820-е гг. Архитектор И.А. Каширин.
Фото Е.А. Шорбан. 2006*

ная, смежная с трапезной, прорезаны двумя ярусами проемов – нижних входных и верхних с полукруглыми перемычками, соответствующих окнам второго света на северном и южном фасадах четверика. Этот редкий прием повторения композиции на каждой стене четверика придает интерьеру цельность и монументальность, а кроме того, говорит об особенностях построения иконостаса, имевшего два уровня сквозных проемов и, несомненно, обладавшего сложной пространственной структурой с ордерной основой.

В послевоенные годы линию «хлюстинских» храмов продолжили два схожих памятника, заложенных в конце 1810-х годов: церковь Троицы, 1818–1820-х годов в селе Троицкое на Взыдне Медынского района, построенная по заказу помещицы штабс-ротмистрши Веры Ивановны Хлюстиной⁵⁷ (ныне Кондрово Дзержинского района) и церковь Преображения, 1818–1820-х годов в селе Спас-Деменск Мосальского уезда (ныне Спас-Деменский район), возведенная по заказу помещика, подполковника Михаила Петровича Нарышкина⁵⁸. По сведениям С.В. Безсонова, храм в Троицком возведен крепостным архитектором И.А. Кашириным, крестьянином села Любунь⁵⁹. (Ил. 10.) Об авторе

церкви в Спас-Деменске ничего документально не известно, но на основании родственности архитектуры двух зданий, а также того, что в непосредственной близости от Спас-Деменска и находилось главное поместье Хлюстиных Любунь, можно достаточно уверенно говорить о причастности И.А. Каширина к созданию этого храма. Оба здания имеют центрический квадратный план и представляют трансформацию все того же двусветного крестообразного объема, увенчанного крупной купольной ротондой, но без примыкающих трапезной и колокольни⁶⁰. В углах между повышенными «рукавами креста» помещены объемы с формой плана, близкой четверти круга, завершенные конхами⁶¹. Центричность объемной композиции усилила, по сравнению с «хлюстинскими» храмами довоенного времени, монументальность этих сооружений и придала им оттенок «мемориальности», соответствовавший атмосфере тех лет.

Интереснейшую обособленную небольшую, но чрезвычайно важную группу храмов, которая стадially отчасти принадлежит еще к концу XVIII века, а стилистически – к линии антикизирующего классицизма, образуют три памятника бывшего Жиздринского уезда. Это церковь Воскресения села Плохино, ныне Ульяново⁶² (3-я треть (?) XVIII в. – 1803 г.), церковь Знамения села Маклаки⁶³ (начало XIX в. – 1818 г.) и церковь Покрова села Холмищи⁶⁴ (1822, не сохранилась). Каждый из храмов отличается своеобразием своего композиционного решения, но объединяет их общая, достаточно редкая для Калужской губернии, аскетическая и подчеркнута монументальная стилистика, а также несомненная близость их архитектуры к творческому почерку зодчего Н.А. Львова (1753–1803). Подчеркнем, что мы далеки, при отсутствии точных документальных источников, от преждевременных выводов приписать данные сооружения непосредственно руке этого архитектора, но сказать об их принадлежности к особой «львовской» линии необходимо. Первый памятник этой группы – колоссальный

Ил. 11. Церковь Воскресения села Плохино (ныне Ульяново). Третья треть (?) XVIII в. – 1803 г. План первого этажа (по обмеру 2011 г.)

Ил. 12. Церковь Воскресения села Плохино (ныне Ульяново). Третья треть (?) XVIII в. – 1803 г. Южный фасад основного объема. Фото Е.А. Шорбан. 2011

храм в селе Плохино, столице обширных земель, подаренных в начале XVIII века Петром I своему сподвижнику Якову Вилимовичу Брюсу, типологически принадлежит к зданиям соборного масштаба, строившимся в крупных промышленных поселениях⁶⁵, таких, как упоминавшееся выше Людиново. (Ил. 11, 12, 13.) Храм Воскресения, расположенный в дальнем и бедном Ульяновском районе Калужской области, на границе с Орловской, до недавнего времени был совершенно неизвестен исследователям⁶⁶. На основе первичного исследования памятника в 2011 году была опубликована статья⁶⁷, но в отношении этого уникального сооружения и его происхождения пока существует больше вопросов, чем ответов. По архивным данным, «нижняя церковь» (то есть, основной объем и первый этаж трапезной) вместимостью до 7 тысяч человек была выстроена тогдашним владельцем земель графом Яковом Александровичем Брюсом, а «верхняя теплая» (на втором этаже трапезной) – за счет церковных сумм и пожертвований прихожан⁶⁸. Я.А. Брюс, видный государственный деятель эпохи Екатерины II, умер в 1791 году, а его потомки, в силу объективных причин, не могли заниматься столь масштабным строительством. Исходя из колоссальных размеров храма, можно предположить, что его возведение начали еще при жизни Я.А. Брюса, в 1770–80-е годы. Закончена «каменная церковь о двух этажах» была в 1803 году⁶⁹, однако частично сохранившееся внутреннее убранство в духе позднего классицизма в

Ил. 13. Церковь Воскресения села Плохино (ныне Ульяново). Третья треть (?) XVIII в. – 1803 г. Интерьер, фрагмент. Фото В.В. Замжцкого, 2011

основном относится уже ко второй четверти XIX века. Отдельные части церкви Воскресения имеют прямые аналогии с архитектурой построек Н.А. Львова: близкий к кубическому двусветный основной корпус храма завершен тяжеловесным восьмигранным объемом (с более узкими диагональными гранями), увенчанным куполом. Южная и северная стены восьмигранника, так же как и боковые фасады основного корпуса, прорезаны очень крупными термальными окнами (полуциркульными, с двумя широкими простенками) – это один из излюбленных мотивов построек Львова. Фасадная композиция ос-

нового объема (в три оси проемов, с термальным окном второго света, расположенным над порталом), с доминированием плоскости стены, почти точно повторена на боковых фасадах равновысокой, квадратной в плане двухэтажной трапезной. Другой «львовский» элемент – открытая колонная ротонда, завершающая коло-

Ил. 14. Церковь Знамения села Маклаки. Начало 1800-х гг. – 1818 г. Южный фасад основного объема. Фрагмент. Фото А.Н. Яковлева. 2009

кольню храма⁷⁰. Отметим, что фасады здания в XX веке были сильно искажены пристройками и переделками, что мешает правильному восприятию памятника, но его интерьеры – залы двухэтажной трапезной и особенно грандиозное купольное пространство основного объема – поражают масштабом и изысканностью свето-теневых эффектов и мастерским использованием ордерных элементов (например, полукруглой в плане колоннады в алтаре). К характерным для творческого метода Н.А. Львова приемам можно отнести и устройство двойного купола, хотя в церкви Воскресения этот элемент своеобразен по структуре: пространство летнего храма перекрыто глухим восьмигранным куполом уникальной конструкции из бруса, пролетом около 20 метров. На него опирается система висячих стропил и подпоров, несущая деревянный каркас внешнего купола, покрытого металлической кровлей⁷¹. По композиции плана главного корпуса и объемной структуре храм Воскресения села Плехино отчасти напоминает собор Рождества Христова (1797–1807)⁷² в городе Липецке. В литературе начала XX века автором липецкого собора называли итальянского архитектора Томазо Адамини⁷³, выполнившего проект для местного помещика Петра Лукича Вельяминова. Отметим, что по первоначальному плану липецкий собор (без удлинения его поздней трапезной) – почти центричный крестобразный (где восточный рукав креста образует апсиду) и с отдельно поставленной колокольней; то есть он весьма близок плану Троицкого собора в Калуге. Но такая родственность на уровне планов является скорее ярким примером того, как на основе определенных планировочных «образцов» могли создаваться совершенно разные объемные композиции и образные решения. Композицию собора в Липецке с доминирующим над нижней двусветной частью массивным объемом в форме квадратного бельведера (с большим термальным окном в каждой грани), увенчанным крупным куполом, можно отнести к оgrabленному

Ил. 15. Никольский собор Малоаярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря. 1823 – начало 1840-х гг. Вид с запада. Фото С.С. Сергеева, 1990

варианту композиций, встречающихся в творчестве Н.А. Львова и в постройках, ему подражавших⁷⁴. На это обстоятельство в 2009 году обратил внимание А.В. Чекмарёв в своей статье «Постройки Н.А. Львова и его круга в провинции: новые открытия». Учитывая факт знакомства и переписки П.Л. Вельяминова с Н.А. Львовым, на основе проекта которого в селе Вельяминова Ивановка под Липецком⁷⁵ была возведена колокольня в форме маяка (повторение построенной Львовым знаменитой колокольни села Арпачёво под Торжком в Тверской губернии), он высказал предположение о причастности Н.А. Львова к созданию собора в Липецке⁷⁶. В это время храм Воскресения в селе Плохине еще не был известен и поэтому не был включен в линию новых, недавно открытых произведений, родственных творчеству Н.А. Львова. Другое здание рассматриваемой группы – церковь Знамения села Маклаки – имеет более непосредственное отношение к работам Н.А. Львова, будучи достаточно близкой версией легендарного Иосифовского собора в Могилёве⁷⁷ – одной из ранних крупнейших работ архитектора. (Ил. 14.) Иосифовский собор, задуманный Львовым как строгая и монументальная «церковь во вкусе Пестомских храмов», как отмечал В.Г. Пуцко, «при сравнительно небольших размерах... благодаря удачно найденным пропорциям и отсутствию дробящих плоскость элементов был монументальным»⁷⁸. Об архитектуре собора в Могилёве мы можем судить только по акварели Н.А. Львова с видом соборной площади, по гравированным чертежам проекта с весьма подробными пояснениями⁷⁹ и по воспоминаниям современников; однако храм в Маклаках при первом же знакомстве поражает именно своей подчеркнутой монументальностью и совершенно непривычной «античностью» облика. На родственность храма Знамения в Маклаках Иосифовскому собору, особенно на похожесть двойных куполов, а также на низкий барабан купола с круглыми проемами исследователи давно обращали внимание; еще раз на этом остановился А.В. Чекмарёв в упомянутой выше статье, однако он отметил только наиболее очевидные копирующие могилевский собор элементы, не заметив многих других. В частности, на основании еще уцелевших фрагментов внутренне-

го убранства церкви в Маклаках можно утверждать, что структура и образное решение интерьера с торжественным орденом, видимо, были близки своему прототипу⁸⁰. События 1812 года, несомненно, повлияли на ход строительства этого здания. Только в 1815 году владелец села, князь бригадир С.Н. Львов сообщал в Калужскую епархию об окончании строительства церкви «о четырех приделах», причем к освящению был подготовлен только придел Сергия Радонежского на втором этаже трапезной⁸¹. О третьем памятнике рассматриваемой группы – церкви Покрова села Холмищи – принадлежавшего в первой четверти XIX века крупному промышленнику П.Е. Демидову, мы можем судить только по недавно выявленной старой фотографии⁸². Однако сказать о нем необходимо, поскольку здание относилось к достаточно редкому для Калужской губернии типу полной ротонды (с отдельно стоявшей колокольней). Несмотря на нечеткое изображение, можно отметить хорошо спропорционированную композицию храма с нижним более широким ротондальным объемом (окруженным колоннадой из парных колонн), над которым возвышалась меньшего диаметра верхняя ротонда, увенчанная куполом⁸³.

Две рассмотренные выше, совершенно разные линии церковной архитектуры Калужской губернии конца XVIII века и первых двух десятилетий XIX столетия, которые обобщенно можно связать с творчеством И.Д. Ясныгина и, если не с прямым участием, то с влиянием творчества Н.А. Львова, в какой-то степени объединились при создании главного архитектурного комплекса, увековечившего на Калужской земле память об Отечественной войне 1812 года, – Николаевского Черноостровского монастыря. Он был заново возведен в 1820–40-х годах после почти полного разрушения старой обители в ходе знаменитого сражения под Малоярославцем 12 (24) октября 1812 года⁸⁴. Собор, заложенный в 1812 году, в 1822-м дал трещину фундамента и был разобран. В 1823 году началось сооружение нового здания, по сведениям ряда исследователей – на основании нового проекта. Существуют разные версии о его авторе: на основании воспоминаний историка С.В. Безсонова В.Л. Снегирёв называл архитектора А.Л. Витберга⁸⁵; современный исследователь калужского зодчества А.С. Днепровский-Орбелиани высказывает версию о возможном совмещении проектов А.Л. Витберга и И.Д. Ясныгина⁸⁶, что нам представляется наиболее вероятным ввиду особенностей архитектуры здания и некоторой старомодности его форм. Монументальность и подчеркнутый вертикализм объемной композиции овального в плане двухэтажного собора сочетаются с характерной для почерка Ясныгина тонкой моделировкой фасадов пластическими элементами – лопатками, пилястрами, полуколоннами и нишами. (Ил. 15.) Объем венчающей соборстройной купольной ротонды (и ее интерьер с двумя карнизами) по пропорциям весьма близок другим работам Ясныгина; вместе с тем на боковых фасадах здания встречаются

и необычные для творчества Ясныгина мотивы – расположенное внутри портика крупное термальное окно второго света верхнего храма⁸⁷. Еще предстоит детальное изучение истории сложения этого монастырского комплекса, непосредственным строителем которого был уже следующий губернский архитектор, Николай Фёдорович Соколов (1797–1841)⁸⁸. Однако следует отметить особое изящество и некоторый провинциализм архитектуры Черноостровского монастыря (это проявилось в характере проработки деталей) по сравнению со стилистикой официального позднего классицизма, что только усилило очарование этого монастырского ансамбля и придало ему своеобразные черты.

Наряду с выразительными примерами местной линии классицистической церковной архитектуры Калужской губернии 1800–1810-х годов, представленными работами зодчего И.Д. Ясныгина и его круга (которые обладали особым романтизированным характером форм – подчеркнутой стройностью и вертикализмом объемов, изобретательностью пластического декора, в том числе повышенным вниманием к разработке фасадов трапезных, где излюбленным был мотив серлиана), в период после войны 1812 года стоились храмы и в духе столичного варианта позднего классицизма. Правда, в основном они появились уже в 1820–30-е годы, и, возможно, в этом отразилось влияние И.Д. Ясныгина, еще продолжавшего работать в начале 1820-х годов. Пожалуй, самым известным ампирным памятником был храм Николая Чудотворца в усадьбе Полторацких Авчурино близ Калуги. (Ил. 16.) Церковь начала XVIII века перестроили в 1820-х годах по проекту В.П. Стасова и придали нарядным фасадам выразительный лепной декор. Сегодня, к несчастью, ничто в этом полуразрушенном здании не напоминает о работе В.П. Стасова: ампирный декор обвалился вместе с внешним слоем кирпича. К направлению, близкому образцовым проектам церквей того времени, создававшимся в столицах, принадлежит камерный по масштабу приземистый храм Рождества Богородицы 1820 года в усадьбе Муромцевых Плюсково Медынского уезда⁸⁹. Рядом – надгробие тогдашнего помещика майора А.Н. Муром-

Ил. 16. Церковь Николая Чудотворца в усадьбе Авчурино. 1716, перестроена в 1820-х – 1833 гг. по проекту В.П. Стасова. Фото середины XX в.

Ил. 17. Колокольня Казанской церкви села Грибово. 1824. Фото С.С. Рожкова. 2006

Ил. 18. Колокольня со Скорбященской церковью, конец 1810-х – начало 1820-х гг. На заднем плане – церковь Успения, 1729–1736. Село Дольское Малоярославецкого района. Фото Е.А. Шорбан. 2010

цева. Архитектура здания, правда, сильно пострадавшего в XX веке, предельно лаконична. Основной объем с четырехколонными портиками на боковых фасадах завершен невысокой световой ротондой с пологим куполом. Примыкающая к западному притвору колокольня состоит из двух квадратных в плане ярусов (вероятно, первоначально она завершалась шпилем). К более крупным по размерам храмам в стилистике ампира относятся церкви Георгия Победоносца 1815 года⁹⁰ села Георгий Илемна, построенная И.И. Астафьевым с прихожанами, и Казанская 1824 года⁹¹ села Грибово (обе Медынского уезда⁹²), возведенная по заказу помещика Петра Матвеевича Груздева. (Ил. 17.) Нижние четверики храмов на боковых фасадах имеют портики «в антах»; над четвериками – массивные световые купольные ротонды. К развитым трапезным примыкают невысокие ярусные колокольни. Близкий тип представляет другой очень цельный по объемному построению и тонко, нестандартно прорисованному фасадному декору памятник – Фёдоровская церковь 1827 года села Лукьяново Малоярославецкого уезда⁹³. Непосредственное отношение к событиям 1812 года имеет простая по композиции, но изящная церковь Спаса Нерукотворного села Утёшево Мещовского уезда (нынешнего Бабынинского района), построенная в конце 1830-х годов Марией Екимовной Деляновой, вдовой участника Отечественной войны генерала Давыда Артемьевича

Деянова (1761–1837)⁹⁴. Кубический основной объем увенчан купольной ротондой; к четверику, украшенному четырехколонными портиками, примыкают пониженные прямоугольные объемы алтаря и притвора, к последнему – стройная колокольня.

Отдельные памятники, расположенные в зоне прохождения военных действий 1812 года, пока не имеют точной датировки, но стилистически принадлежат рассматриваемой эпохе. Среди них нельзя не назвать два ярких, дошедших до наших дней сооружения. Церковь Николая Чудотворца села Ольхи под Юхновом⁹⁵ – великолепный пример ротондального храма в формах зрелого классицизма. Он построен при помещике генерале В.П. Оболенском, владевшем этими землями в конце XVIII – первой трети XIX века. Над нижним двусветным, круглым в плане объемом, украшенным на фасадах спаренными колоннами, возвышается верхняя ротонда с крупными прямоугольными окнами, завершенная куполом с четырьмя люкарнами. С востока и запада к основному объему примыкают пониженные алтарь и трапезная, а к последней – трехъярусная колокольня. Храм в Ольхах отличается удивительно гармоничной пропорциональностью общей композиции; необыкновенно эффектен интерьер ротонды, несмотря на его заброшенность. Еще один замечательный памятник в формах классицизма – отдельно стоящая трехъярусная колокольня начала XIX века, возведенная рядом с храмом Петра и Павла середины XVIII столетия в селе Сухолом⁹⁶. В крупных проемах ярусов по-разному трактованы мотивы термального окна и серлиана.

Тему церковной архитектуры Калужской земли, связанной с Отечественной войной 1812 года, хочется закончить на мажорной ноте, соответствующей идеям победного торжества и памяти о павших героях. Ярким воплощением такого символического храма-памятника, на наш взгляд, является колокольня со Скорбященской церковью в ее основании, возведенная в начале 1820-х годов в древней вотчине дворян Белкиных Дольское под Малоярославцем. (Ил. 18.) Колокольня поставлена отдельно перед старинным храмом Успения 1729–1736 годов. Каждый из трех ее ярусов украшен мощными парными колоннами, фланкирующими арочные проемы. Неизвестно, что вспоминали строители колокольни, возможно, они знали о связи этого места с именем архитектора В.И. Баженова⁹⁷. С другой стороны, память о войне 1812 года была совсем свежей. Масштаб колокольни, даже полуразрушенной, поражает – это не просто сооружение, а грандиозный монумент, «говорящая» архитектура, рассказывающая о былом величии России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Например, экспедиции «Свода памятников архитектуры» 2008–2010 гг. не обнаружили остатков ни одного церковного здания дореволюционной постройки в Жиздринском районе и самом городе Жиздра, а также в Куйбышевском районе. По сведениям местных жителей, многие полуразрушенные храмы там окончательно разобрали уже после войны. В Хвастовичском районе уцелел один заброшенный храм села Берестна; в Бярятинском районе уцелело «полтора» храма: руина церкви в Милятине и нижний ярус колокольни в Концеполье. В Людиновском и Кировском районах (в каждом) найдены остатки трех сельских церквей: в первом – в селах Запрудное (колокольня), Колчино, Космачево; во втором – в селах Анисово Городище (колокольня), Бережки (колокольня), Фоминичи. Подчеркнем, что названы все уцелевшие, хотя бы частично, кирпичные храмы разного времени постройки, в том числе второй половины XIX – начала XX в.
- 2 Экспедиции «Свода памятников» по Калужской области в 2000-х – начале 2010-х гг. проводились при поддержке инициативных грантов РФФИ № 06-06-80189, 09-06-00124, 12-06-00277.
- 3 Цит. по: Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. Переиздание: Калуга, 2004. С. 52–56.
- 4 Сегодня бывшая Облупская улица носит название Театральной, а именем Кутузова названа другая улица в самом центре Калуги.
- 5 Малинин Д.И. Указ. соч. С. 56.
- 6 «Относительным» этот подъем можно назвать, сопоставляя общую статистику церковного строительства в Калужской губернии в предшествовавшие 1812 году и последовавшие далее десятилетия. Собственно расцвет каменной церковной архитектуры в Калужской губернии пришелся, в силу объективных политических и экономических условий, на XVIII век. В XIX столетии, в первое десятилетие, по имеющимся у нас архивным данным, было возведено около 50 кирпичных приходских храмов, а за два последующих десятилетия, в 1810–20-е гг. – около 60. В следующие 30 лет объем приходского церковного строительства еще более снизился: в 1830–50-е гг. было возведено около 60 храмов. Этот статистический анализ сделан автором на основе материалов Государственного архива Калужской области (ГАКО), а также следующих изданий: Рошефор Н.И. де. Опись церковных памятников Калужской губернии // Записки отделения русской и славянской археологии Р. А. О. Т. III. СПб., 1882. С. 295–343; Преображенский М.Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891.
- 7 В Калуге и уезде в это время, по нашим данным, построено (или завершено) шесть храмов, в Перемышльском уезде работы велись в двух храмах (в том числе возвели двухэтажную трапезную Успенского городского собора), в Козельском уезде – в трех храмах (в том числе был перестроен и расширен городской собор).

- 8 В Боровском уезде известно о строительстве в 1810–20-х гг. шести храмов, причем в самом городе, очень сильно пострадавшем от пребывания в нем французов, к 1819 г. значительно расширили собор и пристроили колокольню, а также заново возвели два крупных храма: Успения, 1826 г., и Рождества Христова, 1817 и 1837 гг. (оба утрачены в XX в.); в Малоярославецком уезде – пяти сельских храмов.
- 9 В Медыньском уезде возвели 11 храмов (из них один в городе), в Жиздринском – 11, в Мосальском – 9 (в том числе завершили новый собор).
- 10 В экономически наиболее благополучном Мещовском уезде построили 13 храмов (в том числе к концу 1820-х гг. относится начало работ по созданию нового городского собора), в Тарусском – 7, в Лихвинском – 5 (один городской).
- 11 Калужская и Боровская епархия была учреждена в 1799 г.
- 12 И.Д. Ясныгин по происхождению – из разночинцев, в 1760 г. поступил в Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге и окончил два отделения – скульптурное и архитектурное. После завершения Академии, в первые годы работы в Санкт-Петербурге, был направлен в Канцелярию от строений и одновременно в 1765 г. на Императорский фарфоровый завод. В 1770 г. И.Д. Ясныгина затребовал в Москву В.И. Баженов, считая его необходимым при создании модели Большого Кремлевского дворца. В дальнейшем принимал участие во многих работах под руководством В.И. Баженова и М.Ф. Казакова. См. об этом подробнее: Днепровский-Орбелиани А.С. Зодчество Калужского края с древности до наших дней. Изд. 2-е. Калуга, 2006. С. 99.
- 13 В 1770-е гг., в период существования так называемой школы-команды В.И. Баженова при Экспедиции Кремлевского строения, И.Д. Ясныгин был одним из преподавателей и заведовал коллекцией чертежей; в 1783–1785 гг. он работал в должности архитектурного помощника в экспедиции строений Кремлевского дворца. См.: Фехнер М.В. Калуга. М., 1971. С. 82–83; Архитектурные школы Москвы. Учителя и ученики. 1749–1918. Сборник 2 / Авт.-сост. Л.И. Иванова-Везн и др. М., 1999. С. 12.
- 14 П.Р. Никитин приехал в Калугу в 1776 или в 1777 г. (не позднее 1777 г.).
- 15 Проект И.Д. Ясныгина по поручению Императорской Академии художеств в Петербурге рассматривался архитектором А.Д. Захаровым.
- 16 Храм был соединен с колокольней коротким открытым переходом-папертью, оформленным колоннами; впоследствии переход застроили, объединив колокольню с основным объемом.
- 17 Существуют две версии авторства иконостаса Троицкого собора в Калуге. До недавнего времени считалось, что он был создан выдающимся русским зодчим Матвеем Фёдоровичем Казаковым (см.: Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. Переиздание: Калуга, 2004. Примечания. С. 260). Однако по данным составителей «Калужской энциклопедии», основанным на материалах РГАДА, проект иконостаса составил архитектор Матвей Матвеевич Казаков (1781–1819), сын М.Ф. Казакова (1738–1812); причем при повторном изготовлении иконостаса уже в Калуге «М.М. Казаков следил за ходом работ, приезжая в Калугу» (см.:

- Калужская энциклопедия. Под ред. В.Я. Филимонова. Изд. 2-е. Калуга, 2005. С. 172). Сам же М.Ф. Казаков с 1806 г. тяжело болел и в последние годы жизни работал мало.
- 18 По разным данным, его завершили в 1814 г. или в 1818 г.
 - 19 К несчастью, иконостас был уничтожен в советское время, также как и весь интерьер. Созданный в 1990–2000-е гг. новый интерьер отличается очень темными по тону росписями «в древнерусском стиле» и имеет многоярусный иконостас.
 - 20 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2203. Л. 423.
 - 21 См. об этом: Шорбан Е.А., Зубарев В.В. Церковное строительство «мосальских меценатов» Хлостинных во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7. М., 2005. С. 222, 224.
 - 22 Размеры Казанского храма составляли 44x31 м; вместимость достигала примерно 5 тыс. человек.
 - 23 По данным Д.И. Малинина, строительство начали в 1798 г., трапезную закончили в 1799 г., а строительство основного объема – в 1804 г., но отделка «настоящей», т. е. ротондального объема, затянулась до 1815 г. Возведение колокольни начали в 1818 г. См.: Малинин Д.И. Указ. соч. С. 118–119.
 - 24 Ныне ул. Кирова, 43.
 - 25 В качестве примеров храмов, получивших трапезные со скругленными углами в формах классицизма, можно назвать в Калуге церковь Георгия «за лавками» начала XVIII в. (трапезная – ок. 1800 г.), храм 1700 г. Спаса Преображения «за верхом» (трапезная 1804–1810 гг.); в Боровске – собор Благовещения конца XVII – начала XVIII в. (трапезная и колокольня 1819 г.), в Серпейске – собор Николая Чудотворца 1770-х гг. (трапезная нач. XIX в.) и десятки других.
 - 26 Крупный пятиглавый бесстолпный основной объем храма Преображения «под горой» возведен в 1709–1717 гг. См.: Малинин Д.И. Указ. соч. С. 86.
 - 27 Например, чрезвычайно близки этой композиции колокольня начала XIX в. церкви Бориса и Глеба в Боровске, а также колокольня Введенской Оптиной пустыни, 1802–1804 гг.; другой близкий аналог – колокольня начала XIX в. Спасо-Преображенского монастыря города Белева Тульской области.
 - 28 Первоначально колокольня, выстроенная Ясныгиным, возможно завершалась шпилем – излюбленным элементом этого мастера. Колокольню переделали в 1845 г.
 - 29 Ныне Мещовский район. В рамках программы «Свода памятников архитектуры» храм в Растворове выявлен и впервые обследован в 2004 г. Подробнее об этом храме см.: Шорбан Е.А. Неизвестный памятник московской архитектурной школы конца XVIII в. – церковь села Растворова в Калужской губернии. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. Вып. 8. М., 2010. С. 465–483.
 - 30 Ныне Ферзиковский район. В рамках программы «Свода памятников архитектуры» храм в Богдановском выявлен и впервые обследован в 2009 г.
 - 31 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2304.

- 32 Серлиана (от имени итальянского архитектора Серлио) – популярная в эпоху классицизма композиция из трех вертикальных проемов (нередко разделенных полуколоннами малого портика), из которых средний повышенный и более крупный проем завершался полуциркульной перемычкой, а над боковыми прямоугольными проемами помещались круглые окна (нередко ложные).
- 33 ГАКО. Ф. 33. Оп. 5. Д. 25. Л. 114; Подробнее об этом храме см.: Шорбан Е.А. Неизвестный памятник... С. 477–479. Храм села Медведка нынешнего Мещовского района находится в сильно разрушенном состоянии.
- 34 Ныне Малоярославецкий район.
- 35 Позднее Сергиевское, ныне Кольцово Ферзиковского района.
- 36 Извеков Н.Д. Краткое историческое описание церкви и прихода села Сергиевского Калужского уезда // Калужская старина. Т. 6. Калуга, 1911. С. 1–21; Днепровский-Орбелиани А.С. Зодчество Калужского края с древности до наших дней. Изд. 2-е. Калуга, 2006. С. 163.
- 37 Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. Москва, 2009. С. 43–86.
- 38 Ныне Малоярославецкий район. Церковь построена протоиереем Илларионом и прихожанами. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1190. Л. 11.
- 39 Иван Антонович Каширин в начале XIX в. обучался в Академии художеств в Санкт-Петербурге, сведений об образовании Ефима Егоровича Латышева не обнаружено. См. об этом подробнее: Шорбан Е.А., Зубарев В.В. Указ. соч. С. 208–241.
- 40 На средства Хлюстиных в Калужской губернии с 1760-х по 1830-е гг., по нашим данным, было возведено около полутора десятков храмов. В одном только Мосальске по заказу А.С. Хлюстина (1732 – ок. 1809) построены три храма: церковь Параскевы Пятницы 1765 г. на городище («старый» Никольский собор), кладбищенская церковь Бориса и Глеба 1790 г. и «новый» Никольский собор 1806 – 1818 гг. на центральной площади города.
- 41 Другой характерной «казаковской» чертой церкви села Растворово была «трехнефная» трапезная с полукруглыми концами крайних нефов.
- 42 Отметим, что само село Покровское вдовы В.И. Хлюстиной в отчетах 1812 г. называется в ряду поместий уезда, давших наибольшее число ополченцев.
- 43 Еще один сельский храм этой же группы – ныне активно разрушающаяся церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи, 1808–1820-е гг., села Быстрое под Мосальском. Она близка по структуре церкви в Покровском, но имеет более крупный по размерам западный рукав крестообразного нижнего корпуса, превращенный в трапезную. Церковь построена по проекту Е.Е. Латышева, заказанному священником и крестьянами экономического села Быстрое. Из-за затянувшегося строительства формы храма, особенно большой купол с миниатюрным барабанчиком и шарообразной главкой на его вершине, получили более ампирный характер. См.: Шорбан Е.А., Зубарев В.В. Указ. соч. С. 225.
- 44 Там же. С. 221.
- 45 «Старый» Никольский собор Мосальска был возведен в 1760-е гг. по заказу

- А.С. Хлюстина на старинном городище – небольшом холме в долине реки Можайка (впоследствии храм пересвятили во имя Параскевы Пятницы). «Новый» Никольский собор поставили, во исполнение нового регулярного плана города конца XVIII в., в равнинной части Мосальска на центральной площади.
- 46 Эти черты близки проектам И.Д. Ясныгина, особенно Казанской церкви в Людинове. 47 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 439.
- 48 Там же. Л. 172.
- 49 Там же. Д. 2208. Л. 227. Построена в 1819 г. княгиней М.Н. Козловской.
- 50 Их обследование в рамках программы «Свода памятников» проводилось в 2005 г.
- 51 Колокольни, как правило, были трехъярусными, с четвертым верхним невысоким ярусом-резонатором – нередко с круглыми проемами.
- 52 Другую колокольню с доминирующими ротондальными ярусами в эти же годы (1817–1819) спроектировали для храма Жен-мироносиц в Калуге И.Д. Ясныгин и Ф.П. Стариков; достраивал колокольню в 1830-е гг. губернский архитектор Н.Ф. Соколов. См.: Днепровский-Орбелиани А.С. Указ. соч. С. 148.
- 53 Портки церкви в Прудках сохранились (без фронтонов), тогда как у храма в Дунине они утрачены, и о существовании колонн напоминают только выступающие из стен металлические связи.
- 54 В ротонде храма в Прудках в интерьере эти итальянские окна были помещены в общие крупные арочные ниши.
- 55 Фотография из ныне хранящегося во Франции семейного архива последних владельцев усадьбы Немчиновых.
- 56 Двусветный – с двумя ярусами окон.
- 57 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 483. В.И. Хлюстина – вдова Семёна Антоновича Хлюстина, младшего сына А.С. Хлюстина.
- 58 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2208. Л. 530.
- 59 Безсонов С.В. Крепостные архитекторы. М., 1938. С. 63.
- 60 В обоих случаях рядом с храмами были выстроены отдельно стоявшие колокольни, которые не сохранились.
- 61 У храма в Троицком эти угловые объемы понижены, что подчеркивает стройность крестообразной части; у более приземистого храма в Спас-Деменске угловые части равновысоки основной крещатой части здания.
- 62 Ныне Ульяновский район Калужской области.
- 63 Ныне Думиничский район Калужской области.
- 64 Ныне Ульяновский район Калужской области.
- 65 В селе Плохино в начале XVIII в. были устроены крупные парусные и канатные фабрики, поставлявшие свою продукцию для нужд русского флота и за границу; население села Плохино и близлежащих деревень в конце XVIII в. составляло более 6 тыс. человек.
- 66 Этот памятник (не состоящий на государственной охране) впервые был выявлен, подробно изучен и обмерян в ходе экспедиции «Свода памятников архитектуры» Государственного института искусствознания в 2011 г. участниками экспедиции О.М. Замжицкой, С.С. Рожковым и Е.А. Шорбан.
- 67 Шорбан Е.А. Церковь Воскресения села Плохино Калужской губернии // Ре-

- ставрация и исследования памятников культуры. Вып. 5. СПб.–М., 2012. С. 91–99. Табл. XII.
- 68 Калужские Епархиальные Ведомости, 1894. № 8, ч. неоф. С. 256–257. См. также: Легостаев В.В., Шатохин А.В. Храмы Жиздринского уезда. М., 2011. С. 170–174.
- 69 Там же.
- 70 Ее пропорции искажены – укорочены устроенным при укреплении конструкции нижним глухим кольцом, в котором скрыты нижние части стволов белокаменных колонн.
- 71 Подробнее о конструкциях храма Воскресения см.: Шорбан Е.А. Церковь Воскресения села Плохино Калужской губернии // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 5. СПб.–М., 2012. С. 91–99. Табл. XII.
- 72 По другим данным: 1791–1803 гг. См. об этом подробнее: Клоков А.Ю., Найдёнов А.А. Храмы и монастыри Липецкой епархии. Храмы Липецка. Липецк, 2006. С. 56–113.
- 73 А. Бенуа и Г. Лукомский ссылались при этом на проект Томазо Адамини, выполненный в 1796 г. См.: А. Бенуа. Рассадник искусства // Старые годы. 1909. № 4. С. 186; Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России. Ч. 1. Пг., 1916. С. 44.
- 74 Таким квадратным в плане бельведером, с термальными окнами на гранях и завершенным куполом обладал, например, дом Н.А. Львова в его усадьбе Никольское-Черенчицы; подобным бельведером завершается храм Троицы в усадьбе Бакуниных Прямухино, возведенный после смерти Львова, видимо, по его проекту. Справедливости ради отметим, что эти мотивы можно встретить в творчестве и Джакомо Кваренги, и Томазо Адамини, и многих других мастеров той эпохи.
- 75 Ныне Добринский район Липецкой области.
- 76 Чекмарёв А.В. Постройки Н.А. Львова и его круга в провинции: новые открытия // Архитектурное наследство. Вып. 50. М., 2009. С. 255–279.
- 77 Собор св. Иосифа в Могилёве строился в 1781–1798 гг. (по проекту, утвержденному в 1780 г.) в память о встрече императрицы Екатерины II и австрийского императора Иосифа II, заключивших союз против Турции. Собор не сохранился.
- 78 Пуцко В.Г. Церковные постройки Н.А. Львова // Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. I. Архитектурное наследие. Петербургский Рериховский сборник. Вып. VI. СПб., 2008. С. 311.
- 79 Собор состоял из квадратного в плане основного корпуса, завершенного широким аттиковым поясом и увенчанного пологим куполом на невысоком барабане, прорезанном круглыми окнами. Боковые фасады были украшены четырехколонными дорическими портиками с очень широким средним интерколумнием. В тимпанах фронтонов – термальное окно. К западу от основного корпуса был выдвинут вперед пониженный короткий объем с торжественным шестиколонным дорическим портиком, оформлявшим главный западный фасад собора. В интерьере храма использовали более грациозный ионический ордер; в алтаре над престолом была устроена сень в форме колонной купольной ротонды коринфского ордера. От главного входа к западным подкупольным пилонам с двух

- сторон были вытянуты ионические колоннады малого ордера. Парами таких же колонн были выделены торцы всех подкупольных пилонов. В интерьере собора была применена система из двух куполов: внутренний нижний купол открывался «средним отверстием и двенадцатью сквозными [арочными] нишами» вверх в другой свод, на котором были изображены «в облаках небесная слава и двенадцать апостолов». Цит. по: Пуцко В.Г. Указ. соч. С. 312.
- 80 Так, в статье А.В. Чекмарёва сказано, что архитектор, создававший церковь в Маклаках, упростил и изменил решение интерьера, отказавшись от колонн. Это не совсем верно: подкупольные пилоны храма в Маклаках имели на торцах парные колонны, аналогичные могилевскому собору – сами колонны (которые, скорее всего, были деревянными) в настоящее время утрачены, но от них сохранились креповки антаблемента и вертикальные штыри, удерживавшие стволы колонн.
- 81 ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2389; Легостаев В.В., Шатохин А.В. Указ. соч. С. 63.
- 82 Об особенностях архитектуры этой церкви не говорилось ни в книге В.В. Легостаева и А.В. Шатохина, ни в другом более раннем издании (Чижков А.Б., Зорин А.А. Калужские усадьбы. М., 2007), хотя в обоих трудах храм в Холмищах упоминается.
- 83 По объёмной композиции из построек Н.А. Львова наиболее близка церкви в Холмищах часовня на Васильевой горе в усадьбе Знаменское-Раёк Тверской губернии, но она менее вертикально вытянута.
- 84 См. об этом подробнее: Наталья Ячник. К истории Николаевской обители // Русское искусство. № 4/2012. С. 18–27.
- 85 Снегирёв В.Л. Архитектор А.Л. Витберг. М.–Л., 1939.
- 86 Днепровский-Орбелиани А.С. Зодчество Калужского края с древности до наших дней. Изд. 2-е. Калуга, 2006. С. 107.
- 87 Что касается колокольни монастыря, то она весьма близка по формам колокольне Благовещенского собора в Боровске, построенной в 1819 г.
- 88 Днепровский-Орбелиани А.С. Указ. соч. С. 127–159.
- 89 Ныне Дзержинского района Калужской области.
- 90 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 126. Встречающаяся в литературе дата – 1843 г., вероятно, относится к окончанию строительства и освящению приделов.
- 91 ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 138.
- 92 Ныне Медынского района.
- 93 Ныне Малоярославецкого района. После закрытия в первые советские десятилетия храм открыли в 1944 г., но снова закрыли в 1960 г. ГАКО. Ф. Р3501. Оп. 1. Д. 63.
- 94 Кривов С.И., Комаров Д.Е. Вяземским почтовым трактом. От Калуги до Вязьмы. Калуга, 2010. С. 60–66.
- 95 В то время Смоленской губернии; ныне Юхновский район Калужской области.
- 96 Мещовского уезда; ныне Юхновского района.
- 97 В этой церкви служил дьячком отец великого русского архитектора В.И. Баженова.